

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ: A POTENTIA AD ACTUM

Александр Коробеев¹,
DOI: <https://doi.org/10.7220/2029-4239.18.10>

SUMMARY

EUROPEANIZATION OF THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: A POTENTIA AD ACTUM

The article, after assessing some of the legal scientific doctrine and practice of European and other foreign countries, poses the question "Is Europeanization of Modern Russian Criminal Law Possible?".

This issue is being addressed by analyzing how the treatment of the institutions of the capital punishment and property confiscation institutes in the criminal law of Russia is assessed in the context of Europeanization.

An overview of the changes in Russia's criminal laws governing the responsibility for murder and confiscation of property, taking into account the experience of the European Union and some other foreign states, the judicial practice developed by the Constitutional and Supreme Courts of Russia.

It is concluded that there is no alternative to this process of Europeanization of criminal law in Russia. Despite the peculiarities of Russian national legal systems and traditions, it has to move with the European models and standards.

¹Александр Коробеев, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель наук. Российской Федерации akorobeev@rambler.ru

KEY WORDS

Europeanization, Criminal Code of the Russian Federation, capital punishment and confiscation of property, Constitution of the Russian Federation and Constitutional Court, judicial power.

ВВЕДЕНИЕ

Жить в обществе и быть свободным от общества - нельзя, - утверждал классик. Если принять это утверждение за истинное, то столь же очевидной будет мысль о том, что существование законодательной системы данного государства невозможно вне связи и зависимости ее от аналогичных систем сообщества других стран мира.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

То, что это действительно так, подтверждается результатами реформы уголовного законодательства, прокатившейся в последние годы по многим государствам Европы и Азии (Германия, Франция, Испания, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Россия, Казахстан, Китай, Вьетнам и др.). Анализ законодательных систем этих стран показывает, что многие из них в ходе реформ дополнились отдельными нормами, институтами, положениями и принципами, заимствованными у других государств.

В России, например, при разработке нового УК достаточно широко использовался опыт законодателей Германии, Франции и США в той части, во всяком случае, где речь идет о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, об экстрадиции, о так называемой «ограниченной вменяемости», о некоторых видах наказания и освобождения от него и т.д.

Взаимопроникновение и взаимообогащение законодательных моделей различных стран мира в XXI в. стало возможным во многом благодаря сравнительному правоведению, широкому внедрению в законотворческую деятельность компаративистских методов исследования. В современных условиях растет неподдельный интерес к национальным законодательствам и правовым системам, что обусловлено интенсивно происходящими в мире интеграционными процессами. Потребность в сравнительном изучении уголовно-правовых систем различных стран объясняется не только стремлением ученых расширить свой кругозор, привнести новые знания в уголовно-правовую науку, но и возможностью отыскать и использовать удачные правовые приемы при совершенствовании национального законодательства. Кроме того, сегодня уже ни для кого не секрет, что преступность в ее отдельных проявлениях обретает транснациональный характер, и для эффективного международного сотрудничества в борьбе с ней крайне необходимы знание и учет особенностей уголовного законодательства зарубежных стран.

Компаративистские исследования в области уголовного права в нашем государстве до самого последнего времени ограничивались в основном изучением законодательных систем и уголовно-правовых теорий стран Европы и США. Отсюда возникает вопрос: возможна ли европеизация современного уголовного права России? И если «да», то когда такая возможность превратится в действительность?

Рассмотрим на примере конфискации имущества и смертной казни, как шла и идет европеизация уголовного законодательства России применительно к двум этим институтам.

Федеральным законом РФ № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. из Уголовного кодекса РФ была изъята конфискация имущества как вид уголовного наказания. В пояснительной записке к проекту Закона предложение исключить конфискацию из УК мотивировалось «весьма низкой эффективностью» этого вида наказания.

Между тем такое решение законодателя не представляется юридически и социально обоснованным. Положения ст. 15 Конституции РФ о преимущественном действии перед национальным законодательством международных соглашений обязывают Россию к соблюдению ратифицированных ею международно-правовых актов. Ряд международных конвенций, например, конвенции ООН «О борьбе с финансированием терроризма», «Против транснациональной организованной преступности», европейская конвенция «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию», предусматривают конфискацию имущества как вид уголовного наказания.

С отменой конфискации в России во многом утратила свою силу превентивная функция уголовного закона. Ведь ясно, что современные экономические преступники больше всего боятся не привлечения к уголовной ответственности, не осуждения как такового, а конфискации имущества, оставляющей их лишь с «потребительской корзиной», как у большинства рядовых законопослушных граждан. Вот почему в отечественной литературе высказана пока еще никем не опровергнутая гипотеза, что исключение в 2003 г. из «лестницы наказаний» конфискации имущества есть такой пример «неприкрытого и демонстративно-вызывающего лоббирования интересов экономической преступности в уголовном законодательстве, которого не было за всю историю существования русского и российского уголовного права»².

По нашему мнению, конфискацию имущества нельзя было исключать из действующей системы наказаний. В настоящее время, с учетом нынешнего состояния общества и государства на современном этапе развития российской уголовно-правовой политики, не существует предпосылок для отказа от применения данного вида наказания. Такой отказ не был воспринят общественным правосознанием как справедливый. По крайней мере общепредупредительный эффект от применения этого наказания сохраняется даже при весьма скромных масштабах его применения в судебной практике.

Объективности ради следует заметить, что после ратификации в феврале 2006 г. Конвенции ООН по борьбе с коррупцией Государственная Дума РФ приступила к экспертизе поправок, возвращающих норму о конфискации имущества в Уголовный

² Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта. См. также: Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве. М., 2011. С. 3-5.

кодекс³. В конечном итоге конфискация была восстановлена в УК РФ. Обращает, однако, на себя внимание то обстоятельство, что конфискация имущества вернулась в лоно уголовного законодательства не как вид наказания, а в качестве «иной меры уголовно-правового характера».

В результате конфискация имущества в нынешнем ее виде представляет собой некий симбиоз ранее известного вида наказания с одноименным названием и уголовно-процессуальной меры (обычно именуемой «специальной» конфискацией). Назначать подобную меру в случае совершения лицом преступлений, перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, стало правом, а не обязанностью суда. В итоге конфискация имущества в настоящее время в судебной практике встречается крайне редко. В 2008 г. зафиксировано всего 511 случаев назначения судами этой меры, в 2009 г. – 587, в 2010 г. – 679, в 2011 г. – 671, в 2012 г. – 565, в 2013 г. – 921, в 2014 г. – 1178, в 2015 г. – 1801, в 2016 г. – 1929. Перевод конфискации в категорию «мер безопасности», как предлагается в уголовно-правовой доктрине, не исправит положения дел. Лишь с восстановлением ее в системе уголовных наказаний и включением в санкции норм Особенной части УК РФ можно связывать надежды на ее возрождение и широкое применение в судебной практике, как это происходит во многих странах Европы⁴.

Такова судьба института конфискации имущества в России. Теперь посмотрим, как в России европеизовалась смертная казнь.

Смертная казнь как исключительная мера наказания, согласно ст. 59 УК РФ 1996 г., устанавливается только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. Она не назначается: женщинам; лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет; мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста; в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве; при вердикте присяжных заседателей о снисхождении; при совершении неоконченного преступления.

Данный вид наказания, кроме того, не назначается лицу, выданному Российской Федерацией иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям.

Смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет.

Сказанное означает, во-первых, что законодатель не отказался от мысли использовать смертную казнь как самую жесткую меру уголовной репрессии в борьбе с преступностью,

³ См.: 20 поправок против коррупции // Российская газета. 2006. 1 марта; Калинина Т.М., Палий В.В. Иные меры уголовно-правового характера: научно-практический комментарий. М., 2011. С. 72–73; Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 4; Лопашенко Н.А. Конфискация имущества. М., 2013; Бавсун М.В., Николаев К.Д., Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве. М., 2016.

⁴ Подробнее об этом см.: Коробеев А.И. Лестница уголовных наказаний в России: понятие, классификация и виды. Saarbrücken: LAPLawberAcademicPublishing, 2014.

во-вторых, что он по-прежнему относится к ней как к исключительной (крайней) мере; в-третьих, что им резко сужен круг преступлений, за совершение которых может быть назначена эта мера; в-четвертых, что он расширил перечень лиц, к которым она применена быть не может.

Смертная казнь применяется только в качестве основного вида наказания.

Смертная казнь предусмотрена за совершение всего пяти преступлений: убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК); посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК); посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное следствие (ст. 295 УК); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК); геноцид (ст. 357 УК). Нетрудно убедиться, что при желании законодатель мог бы сократить этот перечень до двух составов, оставив в нем лишь квалифицированное убийство и геноцид, ибо три оставшихся преступления можно рассматривать как специальные разновидности убийства. Не исключено, что этот вариант им будет избран как очередной шаг на пути к полной отмене смертной казни.

Другим таким уже сделанным шагом можно считать, как мы отмечали выше, установление пожизненного лишения свободы в качестве альтернативы смертной казни. В русле тех же идей сформулировано правило, зафиксированное в ч. 3 ст. 59 УК. Оно гласит: смертная казнь в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок двадцать пять лет.

Однако радикальными эти решения назвать нельзя. Российский законодатель по-прежнему стоит перед дилеммой, суть которой заключается в известном афоризме - «казнить нельзя помиловать».

Зададимся и мы вопросом: можно ли, перешагнув порог XXI века, продолжать применять к преступникам столь явно антигуманную меру, каковой без сомнения является смертная казнь, и можно ли найти ей в арсенале уголовных наказаний столь же эффективный (но уже относительно гуманный) эквивалент, если от нее отказаться? Однозначного ответа на поставленный вопрос пока нет.

Не вдаваясь в подробный пересказ всех точек зрения на эту проблему и их оттенков, отметим лишь, что полемика в настоящий момент уже перешла из сугубо теоретической сферы в область практической уголовной политики.

Дело в том, что при вхождении в 1996 г. в Совет Европы Россия подписала Дополнительный протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, взяв на себя тем самым обязательство законодательно отменить смертную казнь в течение трех лет, а до этого - ввести мораторий на исполнение смертных приговоров. Пока этот вид наказания не только не отменен, но даже законопроект о его отмене в Государственной Думе РФ не имеется. В сложившейся ситуации вначале Президент России заблокировал исполнение смертной казни, отказавшись рассматривать ходатайства о помиловании осужденных, затем Конституционный Суд РФ 2 февраля 1999 г. постановил, что российские суды без вердикта присяжных не имеют права приговаривать к смертной казни. С момента вступления в силу данного постановления Конституционного Суда РФ и до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, наказание в виде смертной казни

назначаться не может независимо от того, рассматривается ли дело судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей. Наконец, указами Президента РФ в феврале того же года были помилованы последние 720 (по другим источникам 713 и 718)⁵ «дофевральских» смертников, 190 из которых отбывают 25-летний срок, а 530 - содержатся в местах лишения свободы пожизненно.

В 2009 г. к вопросу о так называемом «моратории на применение смертной казни» (он до сих пор не оформлен никаким нормативно-правовым актом) пришлось вернуться вновь. Верховный Суд РФ обратился в Конституционный Суд России с ходатайством о разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления КС РФ от 2 февраля 1999 г., поскольку полагал, что оно может породить противоречивую правоприменительную практику по вопросу о возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения с 1 января 2010 г. судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Конституционный Суд пришел к выводу, что исполнение разъясняемого пункта постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории России, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Аргументируя свою позицию, Конституционный Суд указал, что «в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого - с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, - происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода».

О небесспорности и малоубедительности данного определения Конституционного Суда РФ свидетельствует тот факт, что судья КС РФ Ю. Д. Рудкин высказал по нему особое мнение, а Верховный Суд России спустя несколько месяцев вновь был вынужден обратиться в Конституционный Суд с просьбой разъяснить положение пункта 4.3 мотивировочной части уже определения КС РФ от 19 ноября 2009 г. «в том смысле, может ли оно (определение) быть истолковано, как означающее невозможность после 16 апреля 1997 г. назначить наказание в виде смертной казни». В результате Конституционный Суд России в отношении смертной казни вынес своеобразный «смертный приговор». Возникает, однако, вопрос: есть ли «жизнь» у смертной казни после такой «смерти»?

Как отмечается в постановлении Президиум Верховного Суда РФ от 16 июля 2010 г., такие сомнения и необходимость пояснений могут возникнуть у отечественных судов общей юрисдикции в связи с тем, что об этом заявляют в своих обращениях о пересмотре

⁵ См.: Старков О. В., Милоков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 19.

решений осужденные на казнь, наказание которым в порядке помилования было изменено на пожизненное лишение свободы⁶.

Различным ветвям судебной власти не пришлось бы так долго распутывать этот «гордиев узел», если бы Конституционный Суд РФ нашел в себе мужество признать конституционным с 1 января 2010 г. назначать и исполнять в России смертную казнь как вид уголовного наказания, а российский законодатель внес бы изменения в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ и ст. ст. 44, 59 УК РФ, исключив смертную казнь из системы уголовных наказаний.

Пока этого не сделано. Поэтому приходится признать, что правовая позиция КС РФ, отраженная в п. 5 его постановления от 2 февраля 1999 г., не могла быть истолкована иначе, как допустимость назначения наказания в виде смертной казни с момента создания судов присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, т.е. с 1 января 2010 г., поскольку именно с этой даты начал функционировать суд присяжных заседателей в Чеченской Республике - последнем субъекте Российской Федерации, где такой суд не был сформирован. Иное расходилось бы со смыслом и содержанием постановления, не соответствовало бы заложенной в нем аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован его итоговый вывод⁷.

В этой связи возникает и более принципиальный вопрос: насколько конституционен сам институт смертной казни, легитимен ли он? Отвечая на него, специально подчеркнем, что единственным наказанием, относительно которого имеется прямое конституционное предписание, является именно смертная казнь.

По мнению А. Ю. Кизикова⁸, внимание Конституции РФ к данному виду наказания обусловлено следующим: смертная казнь, выступая наказанием с максимально возможной карой, является концентрированным выражением вопроса о соотношении государства и личности. Применяя смертную казнь, государство максимально вторгается в личностную сферу. В настоящее время следует признать, что вопрос о смертной казни стал политическим: отношение государства к этому виду наказания превращается в международно-правовой стандарт, по которому оценивается демократичность политической и правовой системы государства. Смертная казнь - это не просто уголовное наказание, но также относительно самостоятельное уголовно-правовое явление, имеющее внешнеполитическое значение и оказывающее существенное влияние на сознание общества.⁹

Особое политическое и правовое значение института смертной казни предопределяет необходимость анализа конституционных требований к этому наказанию и адекватности их имплементации в уголовном законе.

В содержании ч. 2 ст. 20 Конституции РФ может быть выделено пять таких требований, одновременно являющихся конституционными признаками смертной казни:

⁶ См.: Голик Н.М. Проблемы уголовных наказаний в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1995-2010 годы). Аналитический обзор. М., 2011. С. 24-28.

⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкина // Российская газета. 2009. 27 нояб.

⁸ См.: Кизиков А.Ю. Смертная казнь: апология. Уголовно-правовой очерк. М., 2003. С. 3.

⁹ См.: Никонов Н.П. Смертная казнь как вид уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 112.

временный характер смертной казни; факультативность ее законодательного установления; исключительность данного наказания; особый круг преступлений, за совершение которых может быть предусмотрено наказание в виде смертной казни; особый порядок установления смертной казни.¹⁰

«Смертная казнь как вид наказания легитимна уже потому, - справедливо заключает С. А. Антипов, - что сама Конституция РФ предусматривает возможность её законодательного установления и определяет условия и порядок применения этого наказания».¹¹

Решение, принятое Конституционным Судом РФ, представляется спорным и ряду других ученых - криминалистов.

Во-первых, разъясняя собственное решение, Конституционный суд расширил его содержание, указав иные юридические основания для невозможности применения смертной казни: возникновение на основе сложившейся практики и международно-правового влияния определенного юридического режима, свидетельствующего об отказе от применения данного наказания. Тем самым Суд, в сущности, признал нормативную силу сформировавшейся правовой практики в условиях, когда не отменен уголовный закон, предусматривающий смертную казнь в качестве вида наказания. По мнению правоведов, Конституционный Суд РФ, сделав такие выводы, подменил собой законодателя и вышел за рамки своей компетенции как органа конституционного контроля.

Во-вторых, разъяснение, данное Конституционным Судом РФ, не устраняет, а усиливает правовую неопределенность в вопросе о смертной казни. Непонятно, почему наказание, предусмотренное нормой уголовного закона, которая не подверглась проверке на её конституционность, не может быть применено.¹²

На наш взгляд, смертная казнь в целом соответствует общим конституционным требованиям к уголовному наказанию, предусмотренным в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако в настоящий момент смертная казнь, продолжая оставаться в УК РФ как вид наказания, ни назначена, ни тем более исполнена практически быть не может. Как долго сохранится достигнутый к сегодняшнему дню в отношении смертной казни status quo под девизом: «Ни отмены - ни применения»?

Вариантов решения проблемы несколько. Во-первых, можно не только оставить смертную казнь в УК, но и «разморозить» процедуру ее применения. Основаниями для этого будут служить следующие соображения. Продолжая сохранять смертную казнь как вид наказания, законодатель, очевидно, не способен игнорировать ни исторические традиции, ни реалии современной криминальной России, ни голос общественного мнения. Нетерпимость же общественного мнения в этом вопросе приобретает столь масштабные формы, что уже свыше 70% населения высказывается не только за сохранение смертной казни, но и за ее расширение. По самым последним данным, лишь 11% российских граждан считают, что смертную казнь следует отменить. Примечательно, что даже

¹⁰ См.: Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. М., 2012. С. 112.

¹¹ Там же. С. 117.

¹² См.: Антипов С.А. Указ. соч. С. 120; Сауляк О.П. Обязана ли Россия отменять смертную казнь: Конституционные и международно-правовые аспекты проблемы // Мировой судья. 2006. № 5. С. 13.

«толерантнейшая» Русская православная церковь не возражает против возможности применения смертной казни в современной России.

Настолько же распространенным, насколько и ошибочным является глубоко укоренившийся в широких слоях общества взгляд на то, что только усилением наказания и ужесточением карательной практики можно и нужно вести борьбу с антиобщественным поведением. В жесткости, а нередко и в жестокости наказания многие видят панацею от всех бед, связанных с неблагоприятным течением преступности. Отсюда многочисленные предложения граждан о необходимости усиления карательных мер. В устах наиболее экстремистски настроенной части населения даже принцип талиона приобрел несколько иное звучание: «За око - два ока, за один зуб - всю нижнюю челюсть!».

Отмеченные дефекты общественного правосознания и психологии требуют их устранения на основе проведения соответствующих правовоспитательных мероприятий. В противном случае искаженные представления о возможностях уголовной репрессии в борьбе с преступностью могут явиться непреодолимым препятствием на пути к научно обоснованной депенализации смертной казни. Пока же приходится констатировать, что степень подготовленности общественного правосознания значительных групп населения к восприятию обоснованности полной отмены этого наказания еще крайне невысока. В этих условиях самый простой выход для законодателя - сохранить смертную казнь в УК РФ, пусть даже и ценой «изгнания» России из Совета Европы. Или пойти еще дальше по этому пути, дополнив список норм, предусматривающих в санкциях смертную казнь, статьями об изнасиловании, терроризме, бандитизме, диверсии и др., как это предлагают сделать отдельные криминалисты.¹³

Есть и второй путь: можно попытаться навязать обществу идеалы человеколюбия силой, исключив смертную казнь и резко расширив сферу применения пожизненного лишения свободы. Однако вряд ли и эту меру безоговорочно можно признать гуманной, особенно если учесть, что российские «смертники» вынуждены будут коротать оставшийся век в условиях ненамного более лучших, чем те, которые существовали в казематах Бастилии или Петропавловской крепости.

Тем не менее, при всей бесспорной антигуманности смертной казни как таковой и небесспорной гуманности пожизненного лишения свободы, приходится констатировать, что в нынешних условиях российский законодатель опустил уровень применения смертной казни «ниже низшего» предела, т.е. довел этот уровень до такой черты, за которой наступает только полная отмена данного вида наказания. Пока это, пожалуй, объективно невозможно, ибо правосознание российского обывателя уже смирилось с пониманием того, что сжигать ведьм на костре или вешать фальшивомонетчиков - негуманно, но еще не доросло до осмысления того, почему надо считать варварством расстрел душегуба.

Нельзя не учитывать также и то, что на сегодняшний день исключительная мера наказания в виде смертной казни отменена лишь в 92 странах мира (главным образом – в европейских). Еще около 30 стран сохранили смертную казнь в законодательстве, но не применяют ее на практике в течение последних 10 и более лет. Наконец, свыше 60 стран мира до сих пор применяют смертную казнь за различные категории преступлений.

¹³ См.: Кизилов А.Ю. Указ. соч.; Улицкий С.Я. Политические и правовые проблемы смертной казни. Владивосток, 2004; Дзигарь А.Л. Смертная казнь и преступность. Ростов-на-Дону, 2003.

Итак, на примере отношения законодателей и правоприменителей разных стран мира к смертной казни, мы убедились, что вести борьбу с негативными социальными явлениями можно различными способами. Из отечественной же истории нам известно, что Петр Великий искоренял варварство на Руси варварскими же средствами. Но та же «история, - писал К. Маркс, - и такая наука, как статистика, с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утратить наказанием. Как раз наоборот!»¹⁴

Так каково же будущее смертной казни? Ответ на поставленный вопрос известный ученый-правовед И. М. Рагимов облек в форму некоего пророчества: «Общества, отказавшиеся от этого наказания, вновь вернуться к вопросу о ее восстановлении, а те страны, которые сохранили по сегодняшний день смертную казнь, еще больше убедятся в правильности своей позиции. Для такого вывода существуют религиозные, философские и юридические основания».¹⁵ Аргументы автора нас убеждают в этом.

Что касается смертной казни как вида наказания в системе уголовных наказаний России, то остается надеяться, что рано или поздно (а скорее всего – в очень отдаленной перспективе) и у нас созреют условия для ее полной отмены, и тогда государство откажется от этого наказания. Пока же, как нам представляется, смертную казнь в России применять не только можно, но и нужно, по крайней мере за наиболее вопиющие и резонансные случаи совершения из ряда вон выходящих убийств (особенно тех, что сопряжены с преступлениями террористической направленности). Иначе альтернативой этому виду наказания в реальной жизни будут по-прежнему оставаться акты самочинной расправы или завуалированные под самооборону либо правомерное задержание преступников акции по их физическому уничтожению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из приведенных примеров наглядно видно, как противоречиво и неоднолинейно идет процесс европеизации уголовного права в России. Однако очевидно и другое: альтернативы этому процессу нет, при всей еще сохраняющейся самобытности и специфичности национальных правовых систем мы вынуждены будем идти по пути все большей унификации и универсализации уголовного права, в том числе и с использованием европейских моделей и стандартов.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 530.

¹⁵ Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013. С. 246.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Библиография

1. Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта. См. также: Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве. М., 2011. С. 3-5.
2. 20 поправок против коррупции // Российская газета. 2006. 1 марта; Калинина Т.М., Палий В.В. Иные меры уголовно-правового характера: научно-практический комментарий. М., 2011. С. 72-73; Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. С. 4; Лопашенко Н.А. Конфискация имущества. М., 2013; Бавсун М.В., Николаев К.Д., Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве. М., 2016.
3. Старков О. В., Милоков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб., 2001. С. 19.
4. Кизиков А.Ю. Смертная казнь: апология. Уголовно-правовой очерк. М., 2003. С. 3.
5. Никонов Н.П. Смертная казнь как вид уголовного наказания: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 112.
6. Антипов С.А. Конституционные основы Общей части уголовного права. М., 2012. С. 112.
7. Антипов С.А. Указ. соч. С. 120; Сауляк О.П. Обязана ли Россия отменять смертную казнь: Конституционные и международно-правовые аспекты проблемы // Мировой судья. 2006. № 5. С. 13.
8. Кизиков А.Ю. Указ. соч.; Улицкий С.Я. Политические и правовые проблемы смертной казни. Владивосток, 2004; Дзигарь А.Л. Смертная казнь и преступность. Ростов-на-Дону, 2003.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 530.
10. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. СПб., 2013. С. 246.

Юриспруденция

11. Коробеев А.И. Лестница уголовных наказаний в России: понятие, классификация и виды. Saarbrücken: LAP Lawber Academic Publishing, 2014.
12. Голик Н.М. Проблемы уголовных наказаний в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (1995-2010 годы). Аналитический обзор. М., 2011. С. 24-28.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкина // Российская газета. 2009. 27 нояб.

SANTRAUKA

RUSIJOS BAUDŽIAMOSIOS TEISĖS EUROPEIZACIJA: A POTENTIA AD ACTUM

Straipsnyje, įvertinant kai kurių Europos ir kitų užsienio valstybių teisinę mokslinę doktriną bei praktiką, keliamas klausimas: ar galima šiuolaikinės Rusijos baudžiamosios teisės europeizacija? Šis klausimas sprendžiamas analizuojant, kaip Rusijos baudžiamojoje teisėje vertinant europeizacijos aspektu kito mirties bausmės ir turto konfiskavimo institutų traktavimas.

Apžvelgiama Rusijos baudžiamųjų įstatymų, reglamentuojančių atsakomybę už nužudymą ir turto konfiskavimą, kaita atsižvelgiant į Europos Sąjungos ir kai kurių kitų užsienio valstybių patirtį, Rusijos Konstitucinio ir Aukščiausiojo teismų formuojamą teisminę praktiką.

Daroma išvada, kad nėra alternatyvos šiam Rusijos baudžiamosios teisės europeizacijos procesui. Nepaisant Rusijos nacionalinės teisės sistemų ir tradicijų ypatumų, jis turi vykti naudojant europinius modelius ir standartus.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI

Europeizacija, Rusijos Federacijos baudžiamasis kodeksas, mirties bausmė ir turto konfiskavimas, Rusijos Federacijos Konstitucija ir Konstitucinis Teismas, teisminė valdžia.